

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 7

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 19-го февраля 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 23.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВУ въ конторѣ
И. И. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССУ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римшевецкая, 12

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во ВСѢ МѢСТНО-
СТИ Россіи

8 р.

За
границу
12 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всеми приложеніями, — еще ПЕРВЫЯ 20 книгъ соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенныя въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПБ.—9 р.; 2) въ Москвѣ у Н. Печковской—10 р.; 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—10 р. 25 к. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ СПБ.—10 р. 50 к. СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ—11 р. За границу—15 руб.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

XVI.

На утро Константинъ Федоровичъ проснулся съ легкой головной болью и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ сифонъ зельтерской воды.

Освѣжившись умываніемъ, онъ сталъ припоминать вчерашній ужинъ.

«Это какая-то оргія, — думалъ онъ про себя, — шампанское, ликеры, коньякъ! Богъ знаетъ, что такое! И какое странное общество: актеры, писатель, адвокатъ... Но Людмила!»... — И вспомнивъ о ней, онъ даже руками развелъ. — Что это за непонятная дѣвушка! Что это за красота! Какъ? Какъ говорилъ этотъ поэтъ-то? — старался онъ припомнить слова Юнашова. — Вы свободны, какъ стихія! Вы — сама

свобода и готовы даже отрицать самое себя! Кажется, въ этомъ родѣ что-то такое...

«Да, отрицать самого себя—это дѣйствительно настоящая свобода!»—почти вслухъ проговорилъ онъ, и замѣчаніе это сначала показалось ему необычайно глубокимъ. Но сейчасъ же, поразмысливъ немного, онъ пришелъ къ заключенію, что въ этой сентенціи нѣтъ ни малѣйшаго смысла.

«Ну, да все равно! Во всякомъ случаѣ, она удивительное существо!» — успокоилъ онъ себя.

Подававшій самоваръ, коридорный сообщилъ ему, что сейчасъ только пріѣхалъ съ парохода ихъ потылинскій купецъ Иванъ Никифоровичъ Слюзинъ и справлялся о немъ.

— Откуда же онъ узналъ, что я здѣсь? — спросилъ Воротниковъ.

Вихрь. Картина Г. Жерве, гравюра Гедана.

— Да въ швейцарской на доскѣ фамилію вашу вѣроятнo прочли.

— А онъ одинъ приѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, съ сыномъ.

— Ну, такъ скажи ему, что меня дома нѣтъ, что я куда-нибудь уѣхалъ.

«Этотъ краснорочій болванъ тоже имѣетъ виды на Людмилу, — принялся онъ размышлять по уходѣ коридорнаго. — Правда, не для себя, а для своего юридическаго Никеша; но какъ они смѣютъ думать, что подобная дѣвушка можетъ выйти за этого несмысленнаго? За этого дурачка! — сердясь, думалъ Константинъ Федоровичъ. — Да и докторъ тоже хорошъ! Утверждаетъ, что за Никешку она выйдетъ, а за меня — нѣтъ. Дуракъ!»

И онъ вспоминалъ, какъ внимательна съ нимъ вчера была Людмила — «внимательнѣе, чѣмъ со всѣми другими», — льстил онъ себя — какъ настойчиво просила его приѣхать къ нимъ сегодня обѣдать. И онъ, конечно, поѣдетъ, хотя бы опять пришлось пить шампанское.

— А пока, до обѣда, надо какъ-нибудь убить время!

И онъ, взявъ извозчика, поѣхалъ на Волгу купаться. Послѣ купанья, гулялъ по бульвару, соображая, что ему, собственно говоря, слѣдовало бы сдѣлать кое-кому дѣловые визиты, и въ то же время чувствуя, что никого на свѣтѣ онъ теперь видѣть, кромѣ Людмилы, не можетъ. И былъ очень доволенъ, что на бульварѣ нѣтъ ни души, и онъ можетъ гулять въ полномъ одиночествѣ.

И вдругъ, какъ разъ въ эту минуту, въ дали показалась какая-то знакомая ему фигурка. Вглядѣвшись, онъ узналъ поэта Юнашова.

Молодой человѣкъ шелъ, глядя себя подъ ноги и разсѣянно помахивая тросточкой. Константинъ Федоровичъ сначала подумалъ было увернуться отъ этой встрѣчи, но сообразилъ, что Юнашовъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ могъ бы говорить въ данномъ настроеніи и именно потому, что съ нимъ можно говорить о Людмилѣ. И онъ окликнулъ поэта.

Тотъ сначала приподнял голову, потомъ шляпу, но все еще видимо не узнавалъ Воротникова.

— Ахъ, Боже мой! Простите, ради Бога! — вдругъ воскликнулъ онъ, когда Константинъ Федоровичъ протянулъ уже ему руку. — Ради Бога, простите! Не сразу узналъ! Я близорукъ и разсѣянъ.

— Гуляете? — спросилъ его Воротниковъ.

— Да!.. То-есть нѣтъ... нѣтъ, вѣрнѣе, да!.. Я иду, но куда — не знаю! Вѣдь, это и есть гулять. Не правда ли? Вѣдь, когда гуляютъ, такъ идутъ, не зная куда и не зная зачѣмъ, — сбивчиво проговорилъ Юнашовъ.

— Сочиняете все, небось? — улыбаясь, сказалъ Константинъ Федоровичъ.

— Сочиняю? Н-да! Впрочемъ, нѣтъ! Я стараюсь загадать... стараюсь понять...

— Что именно понять?

— Не «что», а «кого». Кого? Ну, конечно, ее, ее, Людмилу Илларионовну! Эту удивительную, странную, загадочную дѣвушку! Вотъ ужъ про нее нельзя сказать, что «въ ней все гармонія, все диво», это какой-то хаосъ! Это какая-то стихія! — восторженно ворковалъ поэтъ.

— Но въ стихіи всегда есть гармонія, — замѣтилъ Воротниковъ.

— Вы думаете? Да! Въ стихіи должна быть гармонія! А въ ней, вотъ, хаосъ! Хаосъ чувствъ, хаосъ мыслей! Хаосъ настроеній, не только постоянная смѣнчивость, но даже сбивчивость ихъ! Когда она серьезна, кругомъ становится весело; когда она начинаетъ веселиться, вамъ дѣлается жутко. Это — какъ гроза — и прекрасна, и ужасна въ одно и то же время! Молнія — и свѣтитъ, и ослѣпляетъ! Громъ — наводитъ на васъ ужасъ и радуетъ васъ!.. Я безумно, безумно люблю ее! — вдругъ, неожиданно, откровенно сознался Юнашовъ.

— Ну, а... а она какъ... она къ вамъ относится? —

помолчавъ немного и почему-то съ трудомъ, спросилъ Воротниковъ.

— Не знаю! Мнѣ это все равно! Она можетъ смѣяться, глумиться надо мной; она можетъ презирать и ненавидѣть меня! Боже мой! Она можетъ бить, топтать меня ногами, и это мнѣ все равно! Я благословляю Бога за то, что люблю ее! За то, что мнѣ есть кого любить! И знаете что? Я бы даже испугался, если-бъ она вдругъ меня полюбила! Мнѣ бы страшно стало! — почти прошепталъ Юнашовъ, и всегда испуганное выраженіе его лица сдѣлалось еще испуганнѣе. — Она бы меня полюбила. Да это было бы ужасно! Я бы не вынесъ этого! Я бы умеръ! — лепеталъ поэтъ.

А Воротниковъ слушалъ его и ничего не понималъ.

«Ну, нѣтъ! — думалъ онъ про себя. — Если-бъ вотъ она меня полюбила, было бы совсѣмъ другое дѣло! И я бы не испугался!»

— А вы не знаете, она любить кого-нибудь? — спросилъ онъ своего спутника.

— Что вы сказали? — переспросилъ тотъ, въ своей разсѣянности не разслышавъ словъ Воротникова.

Тотъ повторилъ вопросъ.

— Любить ли? Она говоритъ, что никого не любить, а я утверждаю, что любить и даже очень сильно.

— Кого же это?

Но Юнашовъ отвѣтилъ не сразу. Они, въ это время, проходили мимо маленькаго садоваго ресторана.

— Зайдемъ сюда! Выпьемъ чего-нибудь, — предложилъ онъ.

Воротниковъ согласился, и они, свернувъ въ ресторанъ, заняли столикъ.

— Дайте мнѣ коньяку, — сказалъ поэтъ подошедшему къ нему лакею.

— Какъ? Съ утра уже коньякъ пьете? — удивился Константинъ Федоровичъ.

— Да, я въ такомъ настроеніи, что не могу не пить!

Черезъ минуту лакей поставилъ передъ Юнашовымъ полбутылки коньяку, а передъ Константиномъ Федоровичемъ сифонъ сельтерской воды.

— Такъ кого же она любить-то? — повторилъ тотъ свой вопросъ.

— Вы его не знаете. Онъ живетъ не здѣсь. Это тоже странный и загадочный человѣкъ. Онъ циникъ на словахъ и большой эстетикъ въ душѣ; онъ очень уменъ въ мысляхъ и глупъ въ поступкахъ; онъ добръ въ дѣлахъ и золъ на языкѣ. Она его любитъ, этого несчастнаго счастливца.

— Да ужъ не докторъ ли это Лыкошинъ? — почти набумъ спросилъ Воротниковъ.

— Да, онъ. А развѣ вы съ нимъ знакомы?

— Еще бы! Пріятели.

— Ну, а какого же вы мнѣнія о немъ?

— Да такого же почти, какъ и вы. Только счастливцемъ бы я его не назвалъ. И притомъ, пьетъ ужъ онъ очень!

— Нѣтъ, онъ счастливецъ! — убѣжденно проговорилъ Юнашовъ. — У него свободный духъ!

— А что такое свободный духъ?

— А вотъ видите ли, — началъ поэтъ, наливая себѣ уже третью рюмку коньяку: — мы, всѣ и каждый, находимся подъ какой-нибудь опекой и всегда находимся. Въ дѣтствѣ и юности — подъ родительской; затѣмъ начинается насъ опекать общество, къ которому мы принадлежимъ, среда, въ которой мы вращаемся; разные предрасудки, которые мы васываемъ чуть ли не съ молокомъ матери; приличія, привитыя намъ, какъ оспа, — и мы дѣлаемся рабами этихъ нашихъ опекуновъ. И не только не боремся съ ними, но даже горячо отстаиваемъ нашихъ владыкъ, безъ нихъ жить не можемъ, боимся всего! Да и такъ умираемъ, не сказавъ ни одного новаго слова, не сдѣлавъ ни одного оригинальнаго поступка. Подъ опекой намъ хорошо, спокойно — и мы больше

всего дорожимъ этимъ покоемъ. Мы не сами думаемъ, за насъ думаетъ какой-то коллективный разсудокъ; мы почти не сами чувствуемъ. Наши опекуны создали для насъ и обиходныя чувства. А вотъ докторъ Лыкошинъ не таковъ. Онъ внѣ опеки и поэтому свободенъ. И ему завидуешь, но подражать боишься, трясешься за свой покой, боишься новыхъ мыслей... А вотъ Людмила, она тоже, какъ Лыкошинъ, — внѣ опеки и ничего не боится. Даже рабства, даже подчиненія. Она не прочь побаловаться ими, какъ новой, незнакомой еще ей игрушкой. Но попробуйте-ка всерьезъ надѣть ей ярмо, — ого! — какъ она стряхнетъ его! Да она въ мелкія щепы расщеплетъ и ярмо, и яремника! Чудная! Чудная дѣвушка!

Послѣднія слова поэтъ договорилъ прямо восторженно.

Константинъ Федоровичъ посмотрѣлъ на него и даже крикнулъ:

«Однако, — подумалъ онъ, — сочинитель! Поэтъ! Какъ есть поэтъ!»

И въ эту минуту ему особенно захотѣлось наложить ярмо на эту «чудную, чудную дѣвушку».

— Вы у нихъ сегодня будете? — спросилъ онъ Юнашова.

— Буду! — мечтально отвѣтилъ тотъ.

— Обѣдать?

— Нѣтъ, попозже, вечеромъ.

— А я обѣдаю у нихъ.

— Значить, увидимся, — заключилъ поэтъ и, расплатившись за свой коньякъ, всталъ, распростился съ Воротниковымъ и зашагалъ по бульвару, глядя себѣ подъ ноги и разсѣянно помахивая тросточкой.

XVII.

Около трехъ часовъ Константинъ Федоровичъ нанялъ парнаго извозчика и побѣжалъ за городъ, на дачу къ Полтининымъ, до которой отъ города было верстъ десять.

«Наложить ярмо! — упрямо думалъ онъ, покачиваясь на слабыхъ рессорахъ. — Но какъ? Прежде всего — жениться, а тамъ ужъ ярмо само ляжетъ. Жизнь его наложить, и никакими силами ярмо это не стряхнуть! Жизнь-то посерьезнѣе поэтическихъ бредней, и «коллективный разумъ» посильнѣе всякихъ новыхъ словъ...»

«Но пойдетъ ли она за меня? — думалъ онъ дальше. — А отчего бы и не пойти? Я — молодежь, недурень собой, богатъ, образованъ и дворянинъ. О! Это послѣднее для нихъ, купцовъ, играетъ не малую роль. Что тамъ ни говори, а все-таки они всѣ къ дворянству тянутся. Отецъ ея, конечно, всецѣло будетъ на моей сторонѣ, и хотя тамъ она не признаетъ никакой опеки, но тятенькина воля, все-таки, вѣроятно, для нея — законъ. Да и здравый смыслъ подскажетъ ей, что такіе женихи не на каждомъ шагу попадаются!.. Что же касается соперниковъ, то кто они? Докторъ Лыкошинъ, но, по словамъ этого поэта, Людмила и сама отрицаетъ всякую любовь къ нему. Да и смѣшно предпочесть этого нищаго, полупьянаго доктора ему, одному изъ самыхъ видныхъ помѣщиковъ губерніи. Ну, а остальные-то кто же? Этотъ гнилозубый, извѣденный молью, вчерашній купчикъ? Но ему, навѣрное, и жизни-то, несмотря на его молодость, какихъ-нибудь пять лѣтъ осталось, до костей истрепался! И развѣ для здоровой и сильной дѣвушки такой женихъ годится? Ну, можетъ-быть, тамъ еще другіе есть? Но, во всякомъ случаѣ, и онъ, Воротниковъ, не изъ дюжины. Стало-быть, слѣдуетъ только рѣшиться да дѣйствовать понастойчивѣе».

И вотъ, съ такими побѣдоносными мыслями подѣзжалъ Константинъ Федоровичъ къ великолѣпной, пригородной дачѣ купца Полтинина.

На крутомъ берегу Волги, все утопая въ зелени, возвышалось это палаццо, построенное въ какомъ-то причудливомъ стилѣ.

— Палаццо питій, стиль — распивочно и навывносъ, — какъ-то характеризовалъ докторъ Лыкошинъ дачу Ларіона Семеновича. И несмотря на всю бессмысленность

этой характеристики, она почему-то ужасно шла къ этому купеческому кашпцу.

Еще издали Воротниковъ замѣтилъ громадный флагъ, развѣвающимся на высокомъ флагштокѣ.

— Самъ, значить, дома, — пояснилъ ему этотъ сигналъ извозчикъ.

И дѣйствительно, «самъ» былъ дома. Онъ встрѣтилъ Константина Федоровича на громадной верандѣ, съ которой открывался прекрасный видъ на Волгу.

Ларіонъ Семеновичъ былъ уже не одинъ. Человѣкъ съ десять гостей толпилось тутъ же, возлѣ него.

«И все мужчины», — подумалъ почему-то Константинъ Федоровичъ, отыскивая глазами Людмилу.

Полтининъ, словно понявъ его взглядъ, сейчасъ же сообщилъ, что «Милочки» дома нѣтъ.

— Съ часъ тому назадъ удрала куда-то со своей компаніей. Но вы не безпокойтесь! Обѣдать мы ее дожидаться не станемъ. Съ ней, вѣдь, это часто бываетъ — уйдетъ и пропадетъ.

Воротникову это утѣшеніе совсѣмъ не понравилось. Именно ее-то ему и хотѣлось больше всего видѣть, но, конечно, онъ не высказалъ этого.

Въ числѣ гостей Полтинина былъ и Иванъ Никифоровичъ Слюзинъ со своимъ Никешей. Онъ сейчасъ же подскочилъ къ Воротникову и, протягивая ему руку ребромъ, быстро заговорилъ:

— Вотъ ужъ кого не ждалъ здѣсь видѣть! Константинъ Федоровичъ! Вы какими судьбами? Какъ это вы сюда собрались? Супризь да и только! А я вотъ съ сынкомъ!

Выпаливъ все это, онъ какъ-то загадочно подмигнулъ, какъ бы говоря: «Сами знаете, дескать, по какому дѣлу», затѣмъ, отскочивъ въ сторону, весело-весело захихикалъ.

«Экая bestія! Дѣлаетъ видъ, что удивленъ, увидавъ меня, а самъ въ гостиницѣ уже справлялся!» — подумалъ Воротниковъ и, небрежно пожавъ руку робкому Никешѣ, сталъ знакомиться съ другими гостями.

Это были по преимуществу богатые мѣстные купцы и болѣе или менѣе видные чиновники. Былъ тутъ и полицеймейстеръ, и вчерашній адвокатъ, и оба вчерашніе актера.

— А это нашъ филозофъ! — рекомендовалъ Полтининъ Воротникову какого-то страннаго господина въ куцомъ клѣтччатомъ пиджачкѣ и очень узенькихъ брючкахъ.

Онъ все время теребилъ свою рѣденькую бороденку и угрюмо, исподлобья поглядывалъ на всѣхъ.

— Не филозофъ, а филсофъ, — совершенно серьезно поправилъ онъ.

— И безъ тебя, дурашка, знаю, что есть и филсофы, есть и филозофы. Такъ вотъ онъ-то именно — филозофъ! — уже обращаясь къ Воротникову, продолжалъ Ларіонъ Семеновичъ. — А зовутъ его — Асбестъ Ильичъ, Зобковъ по фамиліи.

— Асбестъ? — удивился Константинъ Федоровичъ. — Развѣ есть такое имя?

— Меня зовутъ Авксентій, а Асбестъ — это ужъ онъ выдумалъ, — строго сказалъ Зобковъ и ткнулъ пальцемъ на Полтинина.

— Врешь, врешь! — запротестовалъ тотъ. — Самъ себя Асбестомъ нестергаемымъ прозвалъ за свои нестергаемыя убѣжденія! А у него жена есть, — опять обращаясь къ Воротникову, говорилъ Полтининъ: — такъ та, изъ подражанія мужу, себя Асбестіей прозвала!

— Мою жену зовутъ Анфисой, — опять невозмутимо серьезно поправилъ Зобковъ.

«Губернскій шутъ», — рѣшилъ про себя Воротниковъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Видно было, что здѣсь его и раньше знали, хотя бы по фамиліи. Знали, что онъ крупный помѣщикъ, образцовый хозяинъ и богатый человѣкъ, и поэтому относились къ нему съ большой предупредительностью. Въ другое время это, можетъ-быть, и польстило бы его само-

Умаялся. Картина Шокань-Морбо, авт. «Нивы»

Послѣ вальса. Картина Люйо, гравюра Брендамур.

любію, но теперь онъ былъ не въ духѣ и потому неохотно вступалъ въ разговоръ, и на вопросы отвѣчалъ разбѣянно и почти небрежно. Отсутствіе Людмилы раздражало его.

«Вѣдь она знала, что я буду! Сама даже приглашала и вдругъ исчезла куда-то! — сердито думалъ онъ, покусывая губы.— Это—или природенная безтактность, или предумышленное кокетство. Если безтактность, то это еще ничего, со временемъ этотъ тактъ можно и привить ей, но если это кокетство, то... — и Константинъ Федоровичъ задумался,—то—это уже и совѣтъ хорошо. Кокетничаетъ, стало-быть, интересуется, а разъ интересуется, то, значитъ, есть и шансы».

И онъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго предположенія, то-есть, что отсутствіе Людмилы нужно объяснять не безтактностью, а кокетствомъ.

«Ну, такъ погоди же ты! Вернешься, я покажу тебѣ, что этакъ-то кокетничать и я умѣю!»—почти уже весело думалъ онъ и сталъ представлять себѣ, какъ онъ будетъ холоденъ, почти небреженъ съ Людмилой, когда она вернется.

Но она не возвращалась.

Между тѣмъ, подѣзжали все новые гости, и лакеи во фракахъ накрывали на верандѣ большой обѣденный столъ.

Чтобъ не мѣшать имъ, всѣ спустились въ садъ. Константинъ Федоровичъ шелъ подъ руку съ самимъ Полтининымъ, который все время хвастался многообразными прелестями своей лѣтней резиденціи.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ, указывая на дорожку, ведущую внизъ къ Волгѣ:—подъемную машинку для себя устроилъ. Простенькая штучка, можно сказать, примитивное сооруженіе, а какъ-никакъ семнадцать тысячъ обошлось. Зато теперь купаться удобно: сѣлъ въ креслице и спустился внизъ, а выкупался—такимъ же путемъ назадъ поднялся: сиди только да знай ручку повертывай.

— А внизу, возлѣ купальни—это пристань,—дальше объяснялъ онъ.—Видите, пароходикъ стоитъ! Хорошенькій! Не правда ли? «Людмилой» называется, въ честь дочки. И яхточка парусная есть, только на ней, вѣрно, моя шалунья куда-нибудь укатила. Должно-быть, на тотъ берегъ, къ рыбакамъ...

— Домашній телефонъ у меня вездѣ проведенъ. А электрическое освѣщеніе—изъ городу,—хвастался Ларіонъ Семеновичъ.

— Хорошо! Хорошо у васъ здѣсь!—хвалилъ Воротниковъ, думая:—«Сколько же у этого человѣка денегъ. Если онъ при своей несомнѣнной купеческой расчетливости на всякія пустыя затѣи десятками тысячъ швырять можетъ?» И собственное его состояніе, рядомъ съ этой толстой купеческой мошной, казалось ему крайне мизернымъ.

«А единственная наслѣдница всѣхъ этихъ богатствъ—«она», Людмила»,—копошилась въ его головѣ назойливая мысль.

Хозяина, въ это время, куда-то отозвали. На смѣну ему, къ Константину Федоровичу подкатился купецъ Слюзинъ.

— Каково великолѣпіе-то?—зашепталъ онъ, указывая рукой и на грандіозный дачный домъ, и на чудный, окружавшій его садъ.—А вы бы службы посмотрѣли! Какіе ледники! Парники! Конюшни! Господи, Боже мой! Да одна прачечная чего стоитъ! И когда подумаю, что все это Никешино быть можетъ, такъ...

И Слюзинъ не могъ договорить. Приступъ неудержимаго смѣха началъ душить его.

Константинъ Федоровичъ посмотрѣлъ на этого вѣчнаго хохотуна почти съ нескрываемой злобой.

«Туда же! Съ калачнымъ рыломъ, да въ суконный рядъ!»

А Слюзинъ, словно понявъ его мысль, проговорилъ:

— А что? Такая невѣста, поди, и вамъ бы подѣласть! Ничего, что купеческая дочка, али тамъ что про ея репутацію...

— Съ чего вы взяли? Вы отлично знаете, что я и не думаю жениться!—вспыхнувъ, проговорилъ Константинъ Федоровичъ.

Но Слюзинъ только замахалъ руками и раскатился такимъ хохотомъ, что сѣлъ даже на скамейку.

Воротникову захотѣлось сказать ему какую-нибудь дерзость, и онъ сказалъ бы непременно, но въ это время къ нимъ подошелъ одинъ изъ гостей, осанистый и благообразный купецъ Харинъ, и сообщилъ, что сейчасъ вице-губернаторъ приѣхалъ.

— Губернаторъ-то у насъ въ отсутствіи, такъ теперь этотъ губерніей управляетъ,—добавилъ онъ и, повернувшись къ Волгѣ, продолжалъ:—Какова картиночка-то! Эко раздолье-то! А вонъ, видите! Цѣлый лѣсъ мачты! Это все караванъ Ларіона Семеновича! Хорошія дѣла онъ нынче сдѣлаетъ! Везетъ ему! Теперь, по всей Волгѣ, поди, вторымъ али третьимъ считается. «Король хлѣбовъ»—это такъ его у насъ на биржѣ прозвали. Это въ родѣ какъ бы по-американски. Тамъ все: «нефтяной король» да «каменноугольный король», ну, а нашъ Ларіонъ Семеновичъ—«хлѣбный». А когда подумаешь, что родитель-то его у моего дѣдушки простымъ водоливомъ на баржѣ состоялъ, такъ за неволю диву дашься.

— Что же это онъ самъ все нажилъ?—спросилъ Воротниковъ.

— Ну, не все самъ. Отецъ-то его тоже дѣла былъ. Главную-то основу онъ заложилъ, значитъ. Я и старика-то помню уже въ богатствѣ. Конечно, не въ такомъ, а все же въ первостатейные мѣтилъ. Ну, а сынъ-то уже во всю поперъ.

Сзади нихъ послышалось дробное топанье многочисленныхъ ногъ.

— Что это такое?—обернувшись, спросилъ Воротниковъ.

— А музыканты изъ города пришли,—пояснилъ Харинъ.

— Музыканты!—протянулъ Слюзинъ и даже зачѣмъ-то два пальца въ ротъ положилъ, словно собирался свистнуть.

— Да что у Ларіона Семеновича праздникъ, что ли, сегодня какой-нибудь?—спросилъ Константинъ Федоровичъ.

— Нѣтъ, какой же праздникъ?! Просто такъ. Вздумалось ему съ пріятелями пообѣдать, ну и позвалъ кое-кого. А музыка у него въ обыкновеніе!—равнодушно говорилъ купецъ.

— Неужто каждый день?—прошепталъ Слюзинъ.

— Ну, каждый не каждый, а такъ частенько случается.

— Частенько!—повторилъ Слюзинъ и, будучи уже не въ силахъ болѣе сдержаться, расхохотался во все горло.

Харинъ посмотрѣлъ на него не безъ недоумѣнія.

И вдругъ, въ это время, въ воздухѣ пронеслось какое-то унылое, протяжное завываніе. Смѣхъ Слюзина оборвался сразу, и самъ Иванъ Никифоровичъ сначала съ безпокойствомъ взглянулъ на Харина, а когда завываніе сейчасъ же повторилось, онъ приподнял картузы и хотѣлъ-было перекреститься.

— Это еще что?—спросилъ Константинъ Федоровичъ.

— Это—гонгъ. Къ обѣду сзываютъ,—отвѣтилъ Харинъ.

И дѣйствительно, видно было, какъ всѣ, разсыпавшіеся по саду гости потянулись къ дому.

Пошелъ и Воротниковъ съ Харинимъ. Сзади нихъ сѣменилъ Слюзинъ. Онъ нѣсколько разъ повторялъ шепотомъ слово «гонгъ» и принимался послѣ этого смѣяться мелкимъ, рассыпчатымъ, но, видимо, сдерживаемымъ смѣхомъ.

На верандѣ, возлѣ большого обѣденнаго стола, былъ сервированъ другой, закусочный. И, Боже мой, чего только на немъ не было! Въ хрустальныхъ графинахъ, играя всѣми цвѣтами радуги, были налиты разныя водки, настойки; стояли бутылки съ разными заграничными

горькими, начиная съ «амерь-никона», до «фернетъ-бранко» включительно. А закуски!

Увидѣвъ ихъ, и самъ Лукуллъ подошелъ бы къ столу не иначе, какъ потирая руки.

Говорить нечего, что всѣ дары Волги, Дона и Урала были тутъ налицо. Но и нашъ разноплеменный югъ былъ представленъ здѣсь и янтарно-желтой шемаей, и баклажанами по-гречески, и фаршированнымъ перцемъ, и раками «скордуля». Да и иноземнаго находилось тутъ не мало.

— Это что-жъ такое?—почти съ ужасомъ спрашивалъ Слюзинъ, указывая на какую-то закуску.

— Escargaux, то-есть другими словами—улитки,—пояснилъ стоявшій съ нимъ рядомъ петербургскій актеръ.

— Улитки?!—протянулъ Слюзинъ, пятясь назадъ и махая руками.

— Ба! Устрицы! Это лѣтомъ-то?—удивлялся вице-губернаторъ, увидавъ на столѣ блюдо съ устрицами огрѣтанъ.—Какими судьбами, Ларіонъ Семеновичъ, вы могли это достать?

— Балтиморскіе консервы,—шепнулъ ему Полтининъ, накладывая себѣ на тарелку итальянскіе «ньюки».—А вотъ не хотите ли маринованныхъ тресковыхъ язычковъ?—предлагалъ онъ сейчасъ же кому-то.

— Нѣтъ, не керченская, а дунайская, вилковская,—объяснялъ онъ другому, на вопросъ: какого происхожденія эти селедки.

— Сыръ? Это—ливару!—хрипѣлъ его голосъ уже на другомъ концѣ стола, гдѣ онъ съ кѣмъ-то чокался рюмкой вермута.

Воротниковъ смотрѣлъ на эту выставку закусокъ и выпивокъ, и ему даже жутко стало.

«Вотъ въ какой обстановкѣ росла и воспитывалась Людмила!—думалъ онъ.—Что же она скажетъ, если попадетъ къ нему, въ Большіе или Малые Воротники, на маменькину овсянку да телятину съ изюмнымъ соусомъ! Да! Прежде вотъ такъ безобразничали дворяне-помѣщики и... поплатились за это полнѣйшимъ оскудѣніемъ. Теперь купцы выступили имъ на смѣну. Чѣмъ-то они кончатъ?»

— Десятой доли своихъ доходовъ не проживаетъ!—словно въ отвѣтъ на его мысли, сказалъ ему тихо купецъ Харинъ.—А шкуру мастеръ задать.

Сѣли за столъ.

Ларіонъ Семеновичъ справа отъ себя посадилъ вице-губернатора, а слѣва—Воротникова, видимо признавая его однимъ изъ почетнѣйшихъ гостей.

Начался обѣдъ, длинный, разнообразный, дорогой. Воротникову казалось даже роскошный, но сидѣвшій съ нимъ рядомъ петербургскій актеръ шепнулъ ему на ухо:

— Богато, но не тонко!

Константинъ Федоровичъ почти съ ненавистью покосился на этого заѣзжага гастролера: «откуда, дескать, ты-то это знаешь?»

Онъ имѣлъ понятіе объ актерахъ по двумъ-тремъ прочитаннымъ когда-то рассказамъ изъ актерской жизни и

представлялъ себѣ ихъ не иначе, какъ оборванными, голодными и вѣчно пьяными. Изящный же костюмъ и хорошія манеры его сосѣда еще со вчерашняго дня удивляли его, а высказанное замѣчаніе даже разсердило.

«Всѣ-то живутъ! Всѣ-то знаютъ жизнь, а вотъ я—ничего не знаю!»—подумалъ онъ и вдругъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его закипаетъ какое-то раздраженіе противъ маменьки, заслонившей передъ нимъ всю эту жизнь.

Но, выпивъ послѣ ухи рюмку мадеры, онъ началъ уже злиться на самого себя.

«Чему позавидовалъ!—упрекалъ онъ себя.—Да развѣ это жизнь? Это просто какое-то дикое безпутство, швырянье деньгами въ то время, когда, можетъ-быть, въ двухъ шагахъ отъ этой усадьбы, бурлаки этого же Ларіона Семеновича питаются ржавой воблой, да заплѣсневѣлымъ хлѣбомъ...»

Но тутъ ему вспомнились его собственные, воротниковскіе батраки и червивая солонина, которой ихъ кормила маменька. И опять сердце его мучительно сжалось, и опять глухое раздраженіе противъ той, что заслонила передъ нимъ свѣтъ, закипѣло въ груди его.

«Да какъ же сбросить? Какъ же вырваться изъ этихъ тисковъ?»—спрашивалъ онъ самого себя, разсѣянно принимая за вторую рюмку мадеры, налитую ему зоркимъ метрдотелемъ.

«А надо! Надо сбросить! И скорѣй! Надо зажечь по-новому, не такъ, конечно, какъ живетъ Полтининъ, но и не такъ, какъ жилъ онъ со своей маменькой... А Людмилы все нѣтъ! Куда это она пропала?»—перебѣжала одну мысль другая, и онъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, сталъ присматриваться и прислушиваться къ тому, что дѣлалось и говорилось за столомъ.

А за столомъ было весело. Всѣ ѣли, пили и хохотали. Мшению общихъ шутокъ былъ «филозофъ» Асбестъ Ильичъ Зобковъ. Его спрашивали: правда ли, что онъ ведетъ всему счетъ? Спичкамъ, которыя сжигаетъ въ день; папиросамъ, которыя выкуриваетъ; словамъ, которыя скажетъ. Всему, кромѣ денегъ, и то только потому, что у него ихъ нѣтъ, и что дѣлаетъ онъ это съ какими-то особенными статистическими цѣлями.

Зобковъ на вопросы отмалчивался, но зато упорно ловилъ всѣхъ на неточности выражений, и это именно и вызывало взрывы какого-то безмысленнаго, почти животнаго хохота. Напримѣръ, одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ, что благодаря отсутствію всѣхъ его помощниковъ, ему приходится теперь работать, какъ собакѣ. И Зобковъ сейчасъ же остановилъ его, замѣтивъ, что собаки работаютъ только въ Бельгіи да въ Голландіи, а у насъ пока еще въ Сибири, въ другихъ же мѣстахъ онѣ освобождены отъ работы.

И всѣмъ это показалось почему-то очень остроумнымъ, и всѣ принялись хохотать.

Очевидно, смѣялось уже вино. А вино лилось рѣдкой за этимъ обѣдомъ.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Зимы суровой и холодной
Дни безвозвратно сочтены,
И птички рѣзвой и свободной
Ужъ пѣсни громкія слышны.

Ужъ изъ-подъ тающаго снѣга
Пробился робкій стебелекъ.
Тепломъ и сладостною нѣгой
Пропитанъ легкій вѣтерокъ.

Не долго ждать! Весна предстанетъ
Во всей красѣ передъ тобой
И взоръ твой милый затуманитъ
Надежды радостной слезой.

Подаритъ жизнь тебя привѣтомъ,
И ты пойдешь своимъ путемъ,
Озарена весеннимъ свѣтомъ,
Весны обвѣяна тепломъ.

Пьерретта. Картина К. Кизеля, авт. «Нивы»

На войнѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

Елка на передовой позиціи.

Отъ Новгородской сопки (бывшая «Сопка съ деревомъ») вправо, то-есть къ западу, проходитъ небольшой горный краѣкъ, круто спускающійся къ рѣчкѣ Шахъ и оканчивающійся небольшою сопкой неправильной формы съ крутыми обрывистыми склонами.

Это и есть знаменитая Путиловская сопка, представляющая собою очень важный опорный пунктъ нашихъ позицій, потому что въ тылу ея разстилается равнина на далекое пространство, открытая для неприятельскихъ выстрѣловъ.

Этимъ объясняется экстренное занятіе ея нашими войсками въ ночь кроваваго боя съ 3-го на 4-ое октября. Подробности этого боя уже извѣстны, прибавлю только еще разъ, что сопка была взята *безъ выстрѣла*—неприятель былъ выбитъ одними штыками.

Сопка ежедневно обстрѣливается японцами. Какъ только солнце освѣтитъ ея южные склоны, хорошо пристрѣлявшаяся неприятельская артиллерія начинаетъ посылать на нее свои шимозы. Даже дорога, ведущая къ Новгородской и Путиловской сопкамъ, постоянно обстрѣливается. Вся долина, а также и южные, то-есть обращенные къ неприятелю, склоны

Передъ нами Новгородская сопка, но нашъ путь вправо. Переваливъ черезъ рѣчку, мы пошли вдоль крутого откоса, защищающаго отъ выстрѣловъ. Вездѣ за уступами сидятъ группами сол-

На „Путиловской сопкѣ“.

По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Капитанъ Е. Г. Котлубай (въ курткѣ), взорвавшій въ районѣ расположенія японцевъ кумирню передъ „Путиловской сопкой“. Рядомъ—подполковникъ И. Г. Хрусталева, командовавшій отрядомъ въ этомъ дѣлѣ.

По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

горъ прекрасно освѣщены солнцемъ, въ то время, какъ обращенные къ намъ сѣверные склоны японскихъ сопкъ остаются въ тѣни. Наблюденія въ ихъ сторону очень затруднительны противъ свѣта, и вся долина и горы кажутся въ туманѣ.

Стоитъ только на нашей дорогѣ показаться группѣ всадниковъ или небольшою партией пѣшихъ—вдали раздаются выстрѣлы, и гранаты рвутся вблизи и на самой дорогѣ, при чемъ дальніе снаряды залетаютъ на разстоянія до двухъ верстъ.

Я ѣхалъ съ двумя вѣстовыми-стрѣлками и своимъ переводчикомъ-китайцемъ, мальчикомъ лѣтъ 14-ти, но лихимъ наездникомъ.

Мы были уже верстахъ въ четырехъ отъ сопки, когда вдали показалась пѣхотная колонна. Это была партія, возвращавшаяся съ земляныхъ работъ въ окопахъ. Движеніе ея было замѣчено японцами, и они стали ее обстрѣливать.

Мой юный переводчикъ, Ха-ю-схай, мечтавшій побывать подъ выстрѣлами, былъ въ восторгѣ. Онъ слѣдилъ за шипящими полетами невидимыхъ снарядовъ и очень удивлялся, что они рвутся раньше, чѣмъ прекращается звукъ ихъ полета.

Мы остановились, чтобы переждать канонаду, но прошло минутъ десять—колонна уже вышла изъ-подъ выстрѣловъ, а шимозы продолжали рваться по сторонамъ, при чемъ нѣкоторыя стали перелетать черезъ насъ. Тогда я рѣшилъ проскакать впередъ и скорѣе добратъ до сопки. Ха-ю-схай, очень довольный такимъ рѣшеніемъ, пошелъ карьеромъ впереди, но я сейчасъ же убѣдился, что сдѣлалъ ошибку. Мы своимъ карьеромъ подняли на дорогѣ такую пыль, закрывъ ею самихъ себя, что издали насъ можно было принять за цѣлый эскадронъ. На пути еще нѣсколько снарядовъ благополучно перелетѣли черезъ насъ, и, наконецъ, мы были у рѣчки.

даты какого-то полка и любятъ канонадой. По крутому скату пробираться верхомъ уже неудобно, и мы слѣзаемъ съ коней. Мои люди остаются на мѣстѣ, а я иду дальше навести нужныя справки. Вижу впереди отдѣльно прогуливается офицеръ. Знакомлюсь съ нимъ и спрашиваю, гдѣ стоитъ полкъ. Оказывается за рѣчкой. Перехожу рѣчку снова, но уже пѣшкомъ и лавируя между полянками. По льду навстрѣчу мнѣ пробирается солдатъ. Канонада не прекращается. Одинъ изъ снарядовъ падаетъ въ рѣчку и подымаетъ цѣлый фонтанъ брызгъ и ледяныхъ обломковъ. Слышно, какъ осколки самого снаряда съ визгомъ скользятъ по поверхности льда и рѣжутъ его своими острыми краями. Солдатикъ, слыша эти звуки и желая уберечь ноги, подпрыгиваетъ и падаетъ на ледъ, возбудивъ этимъ смѣхъ и шутки сидящихъ на берегу.

У самой рѣчки—деревня Сахоянъ; каменные стѣны дворовъ разрушены, но въ фанзахъ живутъ офицеры. Въ одной изъ нихъ нахожу знакомаго, но тотъ командиръ батальона, котораго я искалъ оказался со своею частью въ передовыхъ окопахъ за Путиловской сопкой...

Незадолго до моего прихода крыша фанзы была пробита шрапнельными пулями, которыя были подобраны, и теперь лежали на столѣ рядомъ съ кучкой московскихъ сухарей. Первый гостинецъ, то-есть свиные орѣшки, были здѣсь вещью самую заурядною, но московскіе сухари являлись большою рѣдкостью.

Посидѣвъ минутъ десять и выпивъ стаканъ чаю, я собрался уходить, но въ это время въ дверяхъ появился мой юный переводчикъ подъ конвоемъ двухъ солдатъ охотничьей команды.

Оказалось, что онъ былъ арестованъ, какъ китайецъ, которымъ въ послѣднее время запрещенъ доступъ на позиціи. Я не зналъ,

На „Путиловской сопкѣ“. Наблюдающіе.

По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Развалины дер. Чиндзялиндзя впереди „Путиловской сопки“, гдѣ японцы оказали последнее сопротивление нашимъ войскамъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

что это распространяется даже на прислугу, на держаніе которой я имѣю разрѣшеніе и за которую я являюсь отвѣтственнымъ лицомъ.

Офицеры оставили Хаю-схая въ фанзѣ, а солдаты ушли, но черезъ пять минутъ объ этомъ случаѣ было доложено коменданту, и отъ него пришла бумага съ приказаніемъ немедленно представить захваченнаго китайца въ штабъ дивизіи. Для конвоирования его были назначены двое конныхъ изъ охотничьей команды.

Не оставалось ничего другого, какъ повиноваться, но я не хотѣлъ покидать моего вѣрнаго слугу до рѣшенія его участи и рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ въ штабъ дивизіи.

Такъ какъ онъ, какъ переводчикъ, былъ еще моимъ оруженосцемъ, то я снялъ съ него все доспѣхи: сумку, фотографическій аппаратъ, стетоскопъ и пр., и все это водрузилъ на себя.

Одинъ изъ офицеровъ, шутя, замѣтилъ:

— Ну, братъ, твое дѣло совсѣмъ *пу-хау* *). Теперь тебѣ будетъ *кантрами* **).

И бѣдный Хаю-схай, такъ храбро скакавшій подъ непріятельскими снарядами, залезъ горячими следами...

Его стали утѣшать, но онъ увѣренъ былъ, что пришелъ его конецъ.

Когда мы скакали въ штабъ дивизіи, онъ по дорогѣ украдкой утиралъ слезы, а когда мы слѣзали съ лошадей у помѣщенія штаба—онъ сталъ дѣловато мой руки, рѣшивъ, что видитъ меня въ послѣдній разъ.

За годъ кампаніи я довольно наглядылся на китайцевъ, состоящихъ на службѣ у русскихъ, и пришелъ къ убѣжденію, что едва ли найдется слуга болѣе вѣрный и преданный своему хозяину, чѣмъ китаецъ или «бой», какъ ихъ здѣсь называютъ, если—прибавлю мимоходомъ—къ нему относиться по-человѣчески...

Въ штабѣ дѣло уладилось, какъ и надо было ожидать. Начальникъ штаба, полковникъ Самойловъ объяснилъ мнѣ, что не только личной прислугѣ, но даже и тѣмъ китайцамъ, которые состоятъ на службѣ въ нашихъ военныхъ транспортахъ, запрещено приближаться къ позиціямъ.

Мѣра въ высшей степени предусмотрительная, и подъ впечатлѣніемъ такого положенія вещей, память невольно переносилась къ дѣламъ минувшихъ дней, когда подъ Ляояномъ въ фортахъ работали сотни ки-

*) Пу-хау—плохо.

**) Отсѣченіе головы.

тайцевъ... между тѣмъ, какъ туда же былъ запрещенъ доступъ нашимъ офицерамъ... Но все хорошо, что хорошо кончается.

Юнаго китайца отпустили съ миромъ, и онъ подъ наблюденіемъ одного солдата былъ направленъ въ мѣсто моего жительства, деревню Гудзядзы, а я вернулся обратно къ Путиловской сопкѣ.

Прибывъ опять въ деревню, я встрѣтилъ тамъ капитана Е. Г. Котлубая, который взорвалъ въ самомъ расположеніи японскихъ войскъ кумирню, служившую хорошимъ наблюдательнымъ пунктомъ и изъ которой японцы на выборъ выбивали нашихъ людей изъ передовой линіи передъ Путиловской сопкой.

Когда вызывали охотниковъ на это дѣло, Котлубай согласился съ условіемъ, если прикрытіемъ будетъ командовать его батальонный командиръ подполковникъ Хрусталева.

Предпріятіе удалось какъ нельзя лучше. Успѣхъ его, такимъ образомъ, дѣлится между этими двумя офицерами.

Капитанъ Котлубай съ 45-ю охотниками своей 12-й роты выбилъ японцевъ изъ кумирни и ближнихъ окоповъ и держался подъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока партія саперовъ закладывала мины. Затѣмъ, они поспѣшно отошли, и кумирня взлетѣла на воздухъ.

Съ попутчикомъ-офицеромъ идемъ на сопку. Противъ нея черезъ рѣку полуземляной, полудеревянный мостъ.

Отъ рѣки до сопки ровная площадъка саженъ въ триста, которая ежедневно обстрѣливается. Ее здѣсь называютъ «Долина Смерти». Повсюду видны глубоко-вырытыя воронки отъ дѣйствія лидитныхъ снарядовъ.

Сама сопка имѣетъ видъ удлиненнаго кряжа параллельно фронту позицій съ концами, загнутыми къ рѣкѣ. Внутренніе склоны ея не освѣщены солнцемъ и издали тонуть въ туманѣ отъ дымокъ изъ землянокъ, которыя дѣлаются здѣсь, какъ птичьи гнѣзда.

Обитатели сопки—19-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, участвовавшій во взятіи сопки 3-го октября и съ тѣхъ поръ оставшійся здѣсь на жительство, командиръ полка полковникъ Сычевскій, командиры батарей, стоящихъ здѣсь, и, наконецъ, генералъ П. Путиловъ, командовавшій отрядомъ,

взявшимъ сопку, именемъ котораго она и названа.

Подымаюсь прежде всего въ землянку къ Путилову. Взбираться приходится по кривымъ ступенямъ, вырубленнымъ зигзагами по

„Путиловская сопка“. Елка на передовой позиціи.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы»

Братская могила впереди „Путиловской сопки“.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

крутому склону горы. Надь землянкой генерала, уступом выше, знамя 19-го полка съ часовой. При входѣ въ самую землянку также часовой. Генераль, по своему обыкновенію, въ бѣлой солдатской рубашкѣ, одѣтой поверхъ кожаной теплой тулурки.

Въ землянкѣ болѣе чѣмъ тѣсно, такъ какъ она приспособлена для одного, и къ тому же не на чѣмъ сидѣть. Несмотря на это, тутъ человекъ пять офицеровъ. Бесѣдуютъ стоя. Самъ генераль сидитъ на своей койкѣ. Окно землянка не имѣетъ и освѣщается стеариновой свѣчкой.

— Чѣмъ тебя угощать? — встрѣчаетъ онъ меня. — Хочешь орѣховъ, если зубы крѣпкіе? — и при этомъ достаетъ изъ ящика китайскаго стола горсть шрапнельныхъ пуль и мелкихъ осколковъ гранатъ. — Самые свѣжіе, сегодня японцы прислали какъ разъ къ моей землянкѣ... Вотъ пришли гости, — продолжаетъ онъ: — а угощать нечѣмъ; самъ знаешь, какое у насъ тутъ хозяйство...

Я заявляю, что иду къ подполковнику Иванову, командиру 1-й батареи, а зашелъ мимоходомъ спросить, когда можно будетъ сфотографировать его, т. е. самого Путилова.

— Хоть завтра. Ты здѣсь ночуешь?

— Ночую.

— Чудесное дѣло! Всей компаніей и снимемся. Да чтобъ веселѣе было, подь музыку! Какъ начнется канонада, засвистятъ шмозы... ты насъ и сними... Любопытно будетъ потомъ посмотреть на фотографію, какая у кого рожа выйдет!..

И генераль, весьма довольный своей выдумкой, громко расхохотался.

Я сталъ уходить, но онъ остановилъ меня.

— Пойжди, сегодня у насъ елка... ты знаешь? Да не тутъ, а тамъ — за сопочкой... поближе къ японцамъ...

— Знаю, я для того и пріѣхалъ...

— Отлично, а теперь ты идешь къ Иванову? Чудесный человекъ. Пойдемъ къ нему вмѣстѣ. Онъ хотя меня и не звалъ, но, думаю, не обидится, если я приду къ нему въ гости. Этимъ я двухъ зайцевъ сразу убью — отъ гостей избавлюсь подь благодиднымъ предлогомъ и поужинаю... Вѣдь у Иванова будетъ ужинъ?

— Будетъ.

— Идемъ.

Генераль уже одѣлъ свою мятую фуражку и взялъ въ руки желѣзную палку, съ которой всегда ходитъ (стержень отъ японскаго горнаго орудія), но въ это время въ землянку вошелъ солдатъ съ бумагами. Путиловъ опять сѣлъ на койку и сталъ прочитывать и подписывать бумаги. Последнимъ оказался большой листъ, сложенный въ нѣсколько разъ и весьма странной внѣшности: на немъ виднѣлись какіе-то рисунки.

— Это откуда? — спросилъ генераль.

— Такъ что, ваше превосходительство, изъ сторожевого поста доставлено, изъ роши, что впереди деревни...

— Ну, и затѣйники... Это японцы завели съ нами переписку, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Вчера воздушный змій запустили къ намъ, да на хвостъ нацѣпили открытыхъ писемъ, а теперь вотъ цѣлую газету прислали, съ картинками.

И, всмотрѣвшись внимательно въ листъ, генераль громко расхохотался.

Вотъ что содержалъ въ себѣ этотъ листъ.

Въ лѣвомъ углу, внизу, наивнымъ рисункомъ изображены сидящіе за столомъ, уставленнымъ кушаньями и бутылками, офицеры, вперемѣшку, русскіе и японскіе. Различить ихъ можно, конечно, не по лицамъ, которыя у всѣхъ на одинъ ладъ, а по формѣ фуражекъ. Надъ ними, отдѣльнымъ рисункомъ, русская церковь ночью, окна изнутри освѣщены, а надъ нею полукругомъ крупная надпись: «Съ новымъ годомъ!»

„Путиловская сопка“. Иллюминаціонные фонари, горѣвшіе подь Новый годъ.
По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Генераль Путиловъ у своей землянки на „Путиловской сопкѣ“.
По фот. нашего спеціального корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Въ правомъ углу освѣщенная елка, кругомъ которой танцуютъ пары: японскіе офицеры съ дамами въ европейскомъ платьѣ (весьма отсталой моды — съ турнирами) и русскіе офицеры съ японскими дамами, и надъ этой трогательной картиной, тоже сводомъ, крупная надпись: «Христосъ Воскресъ!»

Ошибка довольно крупная, тѣмъ болѣе, что весь текстъ, которымъ занята вся середина листа, написанъ очень связно и вполне грамотно. Въ виду его пространности привожу его въ извлеченіи.

«Русскіе солдаты! Вотъ уже скоро годъ, какъ мы съ вами ведемъ кровопролитную войну. Но это зависитъ не отъ насъ...» Тутъ, очевидно, тонкій политическій намекъ. «Мы знаемъ, что въ наступающіе дни у васъ большой праздникъ вашей церкви, а непосредственно за нимъ вашъ новый годъ. Мы уважаемъ вашу религію, которая, какъ намъ извѣстно, запрещаетъ кровопролитіе, и если эти дни вы хотѣли бы провести въ мирѣ и спокойствіи, то мы предлагаемъ вамъ не стрѣлать по вашимъ позиціямъ съ условіемъ, конечно, что и вы не будете открывать огня...»

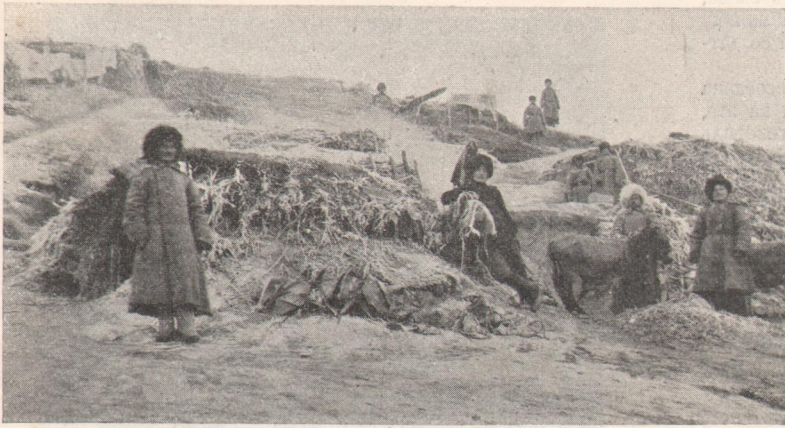
Этимъ кончается первая половина текста. Хотя это и очень курьезно, но не переходитъ границъ оригинальности. Зато во второй половинѣ неизвѣстные японскіе корреспонденты пересолили. Тутъ они уже прямо приглашаютъ русскихъ воиновъ къ себѣ въ гости, соблазняя всякими прелестями жизни на своей родинѣ. «Довольно проливать крови, подадимъ другъ другу руки и заключимъ миръ... Точно миръ между воюющими арміями заключается черезъ фельдфебелей и отдѣльныхъ начальниковъ. Чтобы не терять драгоценнаго времени, японцы предлагаютъ желающимъ прибыть къ нимъ, по-пріятельски, на этихъ же дняхъ, на праздникахъ, и общають устроить для русскихъ солдатъ великолѣпную елку.

А пока что, они во всякомъ случаѣ желаютъ намъ весело провести наступающіе дни. И въ заключеніе посланіе кончается словами: «Съ новымъ годомъ!» и «Христосъ воскресъ!»

И текстъ, и рисунки литографически отпечатаны съ камня — значитъ, листы приготовлены во многихъ экземплярахъ и, очевидно, посылаются къ намъ съ вѣдома военнаго начальства. Что все это весьма наивно — излишне прибавлять.

Интересенъ способъ доставки къ намъ этихъ корреспонденцій.

Передъ Путиловской сопкой идутъ ряды нашихъ окоповъ. Самые передовые находятся уже совсѣмъ близко къ передовой линіи японцевъ, — приблизительно шаговъ на 400, но во всякомъ случаѣ настолько близко, что слышны команда, разговоры и кашель. Иногда у насъ кто-нибудь закашлиеть, а оттуда его передразниваютъ. Высунуть головы изъ окопа нельзя — быть навѣрняка. Въ первое время запрещалось разводить огонь въ окопахъ, чтобы дымомъ не привлечь выстрѣловъ, но теперь наши линіи укрѣплены

Новый год на „Путиловской сопкѣ“. Подъ снѣжнымъ покровомъ.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

и неприятельскія настолько стали извѣстны обѣимъ сторонамъ, что дымки потеряли всякое значеніе, и огонь разводять какъ у насъ, такъ и у японцевъ. Никому не обидно, а главное—тепло.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разстояніе между передовыми линіями больше, но зато сторожевые посты находятся другъ отъ друга въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ.

На нейтральной полосѣ есть жиденькая рощина, которая поочередно занимается то нашими постами, то японскими. Ночью сидятъ наши, японцы же съ приближеніемъ ихъ отходятъ, во избѣжаніе столкновенія въ рукопашную, а съ разсвѣтомъ наши уходятъ, такъ какъ это мѣсто обстрѣливается изъ ближнихъ японскихъ окоповъ, и на смѣну нашимъ становится ихъ сторожевой постъ.

Вотъ тутъ-то и оставались японскія письма, которые ночью забирались нашими.

Нужно, кстати, добавить, что впечатлѣніе отъ этихъ писемъ на солдатъ совершенное обратное тому, котораго очевидно ожидали японцы. Нѣкоторыхъ это забавляетъ своею наивностью: «дурака валяеть японецъ», а нѣкоторыхъ это злитъ: «ровно къ малымъ ребятамъ обращается...»

Восточнѣ Путиловской сопки былъ и такой случай: офицеръ со своей частью занималъ постъ на такой же нейтральной полосѣ и ежедневно въ извѣстные часы уходилъ, а его мѣсто заступалъ японскій офицеръ со своей частью. Вскорѣ этотъ послѣдній сталъ оставлять записки съ разными любезностями по адресу русскаго офицера и, наконецъ, заявилъ желаніе съ нимъ познакомиться и назначилъ ему на томъ же мѣстѣ свиданіе. Съ разрѣшенія начальства, нашъ офицеръ явился на свиданіе. Солдатамъ, разумѣется, приказано было по нимъ не стрѣлять, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, и два врага на глазахъ у всѣхъ дружелюбно разгуливали подъ руку въ теченіе четверти часа и бесѣдовали на французскомъ языкѣ о разныхъ предметахъ, исключая военныхъ событій...

Мы съ Путиловымъ отправились въ землянку къ полковнику В. Иванову, гдѣ уже былъ приготовленъ ужинъ. Тѣсно, но зато тепло. Кромѣ полковника тутъ были еще трое его офицеровъ, да трое вѣстовыхъ. На очень тѣсномъ пространствѣ, такимъ образомъ, едва-едва впору троемъ—размѣстились шестеро, при чемъ для генерала нашлось даже почетное мѣсто.

Ужинъ былъ по обстоятельствамъ времени вполне роскошный: бифштексъ немного жесткій, но зато горячій, сосиски изъ консервовъ, но изъ хорошихъ рижскихъ консервовъ, даже хлѣбъ былъ почти свѣжій—испеченный не дальше, какъ четыре дня тому назадъ. Кушанья приносились откуда-то изъ таинственной млы Путиловской сопки.

— Гдѣ ваша кухня?—спрашиваю у полковника.

— А тамъ, подъ сопочкой, есть такое мѣстечко, гдѣ намъ стараются.

Ну, если есть такое мѣсто, стало-быть, жить можно. Землянка полковника стоитъ у западнаго ската сопки и прекрасно обстрѣливается японцами.

— Сегодня,—разсказываетъ онъ:—незадолго до вашего прихода, снарядъ упалъ около самаго входа... и ничего... благополучно. Меня не было—я былъ съ офицерами на батарее, здѣсь оставался одинъ вѣстовой. Осколкомъ выбило стекло, онъ же пролетѣлъ мимо уха вѣстового и ударилъ въ трубу...

— Онъ и посейчасъ здѣсь,—заявилъ вѣстовой и взялъ съ кирпичной печки узкій и длинный, вершка въ три, стальной съ колючими неровными краями осколокъ гранаты.

Мы кончали ужинъ, когда пришелъ офицеръ 19-го полка съ извѣстіемъ, что елка зажжена, и насъ ожидаютъ.

— Ну, вы, други, идите на елку, а у меня есть дѣло. Я буду салютовать вашей елкѣ,—сказалъ Путиловъ, и мы всѣ вышли изъ землянки.

Узкій серпъ луны уже скрылся за горизонтомъ, и нашъ путь освѣщали звѣзды.

Ночь была темная и тихая. Слегка морозило. Приходилось идти очень осторожно, чтобы не попасть на проволочныя загражденія. У окоповъ дежурные насъ окликали.

Впереди ни у насъ, ни у японцевъ ни огонька. Но они, несомнѣнно, ищутся и разводятся въ глубинѣ окоповъ.

По дорогѣ передъ нами вырастаетъ громадная фигура неопредѣленной формы.

— Кто идетъ?—спрашиваетъ полковникъ.

— Солому несю,—отвѣчаетъ голосъ солдата, который весь закрытъ громадной оханкой соломы.

— Откуда?

— Отъ японцевъ...

Мы пошли дальше.

— На - дняхъ тутъ былъ такой случай,—замѣтилъ полковникъ.—Эти японцы нѣтъ-нѣтъ, да что-нибудь и выкинуть, и нельзя отказать имъ въ изобрѣтательности. Но дѣло вотъ въ чемъ: наши молодцы такъ втянулись въ боевую жизнь, что между ними стало обычаемъ показывать лихость пройти по открытой площадкѣ передъ японскими окопами. Впрочемъ, начальство запрещаетъ такую безбѣзную храбрость, но бываютъ случаи, когда пробраться далеко впередъ необходимо. Напримѣръ, за соломой. На нейтральной полосѣ есть кой-какіе остатки сръзанной соломы, ну, и конечно, добыть ее охотниковъ находится сколько угодно. Вотъ вечеромъ и отправилось человекъ пять изъ полка. Набрали по оханкѣ соломы

и назадъ. На другой день пошла другая партія, но не дошли до соломы, какъ увидѣли, что ихъ предупредили товарищи, которые уже съ соломой шли къ нимъ навстрѣчу. Были сумерки, да и за оханками лица были скрыты.

Наши осликнули, чтобы узнать, кто изъ товарищей ихъ предупредилъ, однако, не получивъ отвѣта, прошли дальше, и только отойдя шаговъ на десять впередъ, убѣдились въ своей ошибкѣ. Встрѣчные оказались японцами и бросились сзади на нашихъ.

„Путиловская сопка“. 1-я батарея 7-ой артиллерійской бригады, отличившаяся при взятіи сопки, съ командиромъ батареи полковникомъ В. В. Ивановымъ, офицерами и 11-ю нижними чинами, награжденными Георгіевскими крестами.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

„Путиловская сопка“. Мѣсто, гдѣ похоронены павшіе въ бою японцы.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

„Путиловская сопка“ и „Долина Смерти“. Рисунок нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Ишты».

„Путиловская сопка“. Знамя 19-го полка.

По фот. нашего специальн. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Произошла схватка, по линии затрещал ружейный огонь, один японец был убит, кажется, своими же, остальные разбѣжались, а наши благополучно вернулись обратно, не забыв захватить солону...

Мы подходили къ разрушенной деревнѣ, надъ которой изъ-за стѣны виднѣлся свѣтъ, тамъ и была елка.

На небольшой площадкѣ, бывшей еще недавно дворомъ китайской фанзы, стояло деревцо аршинъ въ пять высоту; не то ель, не то сосна. Разноцвѣтные зажженные фонари и большіе свѣты изъ бумаги, работа солдатскихъ рукъ, развѣшаны на ея вѣткахъ. Кругомъ елки солдаты, построены на три фаса, фронтомъ во внутрь. Съ четвертой стороны на полотнищѣ палатки разложены маленькіе пакетики съ подарками: табакъ, чай, мыло и т. п., на каждомъ пакетѣ билетикъ съ номеромъ для розыгрыша незатѣпыхъ сюрпризовъ.

Тутъ же хлопочутъ офицеры. Съ нашимъ прибытіемъ хоръ пѣсенниковъ, сгруппированныхъ вмѣстѣ, запѣлъ хоровую. Пѣсня разнеслась по равнинѣ и несомнѣнно была слышна въ японскихъ окопахъ. Мы поминутно ждали, что по елкѣ откроютъ стрѣльбу, но японцы были вѣрны своему слову.

Послѣ двухъ-трехъ пѣсенъ гармонистъ заигралъ хитрый ритурнель, и между солдатами началось волненіе. Кавалеры, не выходя изъ строя, приглашали дамъ.

— Ну что же вы не пляшете? Кузавкинъ, выходи...—сказалъ капитанъ Г.

Изъ строя вышелъ маленькій юркій солдатикъ изъ молодыхъ и подошелъ къ другому громаднаго роста, съ рыжей бородой, въ лохушубкѣ и тяжелыхъ валенкахъ.

— Болтнякъ, иди.

Но Болтнякъ упирался, повидимому изъ застѣчивости, какъ оно ему и полагалось, потому что онъ былъ за даму.

Поломавшись немного, онъ, наконецъ, выступилъ впередъ и пошелъ крутиться со своимъ кавалеромъ, сколь возможно граціозно подымаясь на носки своихъ громадныхъ валенокъ.

За ними пошли другія пары, и вскорѣ вся площадка между

строемъ до того заполнилась танцующими, что они сбивались въ кучу и больше вертѣлись на мѣстѣ...

Танцевали польку.

— Что же вы русскую не пляшете?—спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Полька интереснѣе, ваше высокоблагородіе.

— Одежа неподходящая,—замѣтилъ другой голосъ.

Танцы были въ полномъ разгарѣ, когда вдругъ надъ самымъ ухомъ грянулъ выстрѣлъ изъ орудія.

Въ группахъ танцующихъ маленькое замѣшательство.

— Это наши!—сказалъ офицеръ.—Генералъ приказалъ салютовать нашей елкѣ.

Дѣйствительно, это стрѣляла наша мортирная батарея, которую Путиловъ велѣлъ выставить значительно впереди линіи остальныхъ батарей сошки.

Одинъ за другимъ стали грохотать выстрѣлы, но танцы продолжались попрежнему.

Нѣсколько солдатъ вышли изъ строя и пошли за каменную изгородь. Я тоже вышелъ изъ двора, чтобы посмотреть мѣсто вспыхекъ стрѣлявшихъ орудій.

— Одной ногой другую подгоняй, оно и выйдетъ ладно...—слышу разговоръ и, наконецъ, различаю въ темнотѣ группу солдатъ, которые дѣлають репетицію танцамъ.

А мортиры стрѣляютъ во всю. Огненные языки

Ха-ю-схай, оруженосецъ и переводчикъ В. А. Табурина.

По фот. нашего специальн. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Высматриваніе непріятельскихъ позицій съ воздушнаго шара у деревни Гудзязды.

По фот. авт. «Нивы».

вспыхиваютъ въ темнотѣ, грохотъ выстрѣла и поющій звукъ снаряда, который невидимо несетъ къ непріятелю, понемногу затихаетъ, и секундъ черезъ 10 новый ударъ его разрыва и опять тишина.

Въ эти промежутки тишины со стороны японцевъ можно слышать отдѣльный неясный шумъ, голоса команды и странные звуки, похожіе на звонъ гонга.

— А японски, пожалуй, намъ этого не простятъ,—слышу сзади себя голосъ полковника.

— Вы думаете начнутъ стрѣлять?

— Весьма вѣроятно...

Постоявъ еще минутъ пять, мы, не стовариваясь, пошли обратно къ сопкѣ, заходя въ тылъ батарей.

— Если начнутъ стрѣлять по елкѣ?—полюбопытствовалъ я.

— Людей разсадятъ по окопамъ и землянкамъ, но вѣроятнѣе, что они откроютъ огонь по батареѣ...

— Т. е. какъ разъ по тому направленію, по которому мы идемъ?

— Какъ разъ...

— Удовольствія мало...
Никогда въ жизни я не бывалъ приглашенъ на елкѣ съ опасеніемъ быть убитымъ лидитнымъ снарядомъ.

— И если бы вамъ годъ тому назадъ на елкѣ въ Петербургѣ кто-нибудь нарисовалъ такую картину...

— То я бы его призналъ сумасшедшимъ.

Философствуя такимъ образомъ, мы, какъ на грѣхъ, еще заблудились между окопами и разными загражденіями, и въ концѣ концовъ вышли почему-то съ другой, восточной стороны сопки.

Японцы сдержали свое слово и не отвѣчали на наши выстрѣлы.

* * *
Переночевавъ въ землянкѣ полковника Иванова, а на другой день, какъ и остальные обитатели землянки—офицеры, проснулся поздно— часовъ въ 9. Ночью долго не спали, ожидая общей канонады.

Послѣ чая, часовъ въ 11, я пошелъ отыскивать Путилова, но въ землянкѣ его не было. Онъ отправился впередъ, узнать о результатахъ дѣйствія мортиръ. Какъ потомъ оказалось мортирные снаряды произвели въ японскихъ укрѣпленіяхъ сильныя опустошенія.

Я поднялся на верхушку сопки на наблюдательный пунктъ. Тутъ кромѣ дежурнаго наблюдающаго — артиллерійскаго офицера, всегда встрѣтишь кого-нибудь изъ офицеровъ — обитателей сопки. Изрѣдка пріѣзжаютъ и посторонніе офицеры, изъ новыхъ, желающіе получить

Въ снѣжныхъ сугробахъ на Шахѣ. Рис. по фот. А. Михаэля, авт. «Нивы».

ніями высоко подбрасывали лопатами землю.

Артиллеристъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ по телефону на ближайшую батарею, и по японцамъ немедленно былъ посланъ сна-

боевое крещеніе, потому что канонада по сопкѣ бываетъ ежедневно.

Наблюдающіе стоятъ, конечно, въ окопѣ, изъ котораго выставляется одна голова. На брустверѣ укрѣплена хорошая труба, собственность генерала Путилова, въ которую желающіе могутъ любоваться на японцевъ.

Видъ на японскія позиціи унылый и мертвенный. Вотъ разрушенная деревня, которая обнаруживается высоко торчащими трубами фанзъ, разрушенныхъ до основанія. Это деревня Нанганза, занятая японцами. Вотъ ближе деревня Гоусандагоу, въ которой сидятъ наши. Левѣе площадка, освѣщенная солнцемъ, по которой красиво извивается тропинка, но по этой тропинкѣ безнаказанно пройти нельзя—рядомъ японскіе окопы. Вонъ правѣе и дальше въ туманѣ возвышается сопка Хаутхай, сильно укрѣпленная японская позиція. По наблюденіямъ артиллеристовъ, тамъ поставлено много орудій.

И странно, когда на этомъ уныломъ пейзажѣ появляются живыя фигуры.

Отъ деревни Нанганза идетъ небольшая возвышенность, на гребнѣ которой неожиданно появились человекъ десять японцевъ, начавшихъ тамъ рыть окопъ. Видно было, какъ они быстрыми движе-

Японскій передовой постъ у Шахѣ.

рядь. Как только звук выстрѣла долетѣлъ до японцевъ, они сейчасъ же попрятались. Перелетѣть. Фигурки опять вышли и принялись за работу, какъ ни въ чемъ не бывало. Второй выстрѣлъ—недолетѣть, но третій оказался удачнымъ, и фигурки болѣе не показывались.

— А вы видите тамъ батарею? — спросилъ меня кто-то изъ офицеровъ.

— Вижу.

— Это чурбаны.

— Какъ чурбаны?

— Обыкновенные деревянные чурбаны. У нихъ тутъ стояла батарея и, когда мы ее обнаружили, они ее отвели въ другое мѣсто, а здѣсь поставили замаскированные чурбаны, рассчитывая, что мы по нимъ будемъ стрѣлять. Когда они стрѣляютъ изъ другой, скрытой батареи, то здѣсь дѣлаютъ искусственные вспышки и поднимаютъ пыль, чтобы обмануть насъ. Все это очень хитро придумано, но мы на уловку не поддались...

Стоя на сопкѣ, я имѣлъ не совсѣмъ приятное удовольствие убѣдиться, что японскія пули достигаютъ даже сюда, и что между японцами есть, очевидно, нахалы, которые стрѣляютъ по наблюдающимъ. Я безмятежно смотрѣлъ въ бинокль, когда мимо моего уха что-то просвистало. Я не обратилъ на это вниманія, но стоящій рядомъ со мной офицеръ заставилъ меня обернуться, указывая на задней стѣнѣ окопа блестящую точку. Это была двухлинейная японская пуля, которая воткнулась въ мерзлую землю и блестяла на солнцѣ своимъ донышкомъ. Я вынулъ ее и взялъ себѣ на память.

Мѣстность впереди сопки ярко освѣщалась солнцемъ. Мнѣ захотѣлось прогуляться по окопамъ, зайти въ разрушенную деревню и сдѣлать снимокъ со вчерашней елки. Нашелся попутчикъ—офицеръ 19-го полка, и мы пошли.

— Вы не особенно увлекайтесь, — предупреждали меня оставшіеся офицеры:—тамъ летаютъ пули.

Разрушенная деревня Чиндзялиндыя находится сажень на триста впереди сопки. Частью она была сожжена при взятіи сопки,

Пор. 85-го пѣх. выб. полка Берсенева, раненый 30-го сентября 1904 г.

Пор. 1-го вост.-сиб. стр. полка Абрамовъ. Сестра милосердія Е. К. Мегаръ.

Подполковникъ 36-го вост.-сиб. стр. полка Коселевъ.

Офицеры, прибывшіе съ Дальняго Востока и находящіеся на излѣченіи въ Биржевой больницѣ въ Петербургѣ. По фот. авт. «Нивы».

а потомъ еще разрушена нами же, чтобы не мѣшала работѣ нашихъ батарей. Въ уцѣлѣвшихъ стѣнахъ видны бойницы, изъ которыхъ японцы отстрѣливались, сдѣлавъ себѣ изъ деревни послѣдній опорный пунктъ.

На улицахъ до сихъ поръ валяются затоптанные японскія фуражки, полотняные чулки съ пришитой подошвой, баннаки съ большими гвоздями и обрывки разной одежды и бѣлья.

Японцы въ этой деревнѣ бились въ каждой фанзѣ и въ плѣнъ не сдавались. Нѣкоторые, ища спасенія, заползали въ нагнеленные каны и ихъ, уже задохнувшихся отъ дыма, вытаскивали оттуда за ноги.

Несмотря на безлюдный видъ, деревня, однако, обитаема: на дворикѣ, гдѣ стоитъ елка, нарѣто нѣсколько землянокъ, здѣсь живутъ офицеры. Мало того, тутъ же въ углу изъ уцѣлѣвшей фанзы устроили баню—это въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля.

Далѣе оказалось, что проходы между развалинами, бывшіе прежде улицами деревни, нынѣ теперь громкія названія.

— Та улица, по которой мы сейчасъ шли параллельно фронту—это *Кузнецовскій проспектъ*,—поясняетъ мнѣ мой спутникъ.—По имени командира батареи. Здѣсь, когда стемнѣетъ, мы прогуливаемся. Есть у насъ *Неклюдовскій переулокъ*, *Самохваловская улица* (Самохваловъ былъ раненъ въ этомъ бою), мѣсто, гдѣ люди обдаются, называется *Сытая площадка*. Наконецъ, баня—не просто баня, а *Бани Гусаревича*, по имени командира 6-й роты, который ихъ устроилъ.

Около елки собрались бывшіе поблизости солдаты, и почти всѣ оказались георгиевскими кавалерами. Я ихъ сфотографировалъ и пошелъ къ братской могилѣ, гдѣ похоронено сто человѣкъ нашихъ убитыхъ въ этомъ бою. На могилѣ наложены камни и поставлены три креста.

Со стороны японцевъ стали пощелкивать ружейные выстрѣлы. Мы очень увлеклись въ своей прогулкѣ, люди стали слишкомъ обнаруживать себя. Это надо было прекратить, и мы стали пробираться обратно.

На сопкѣ я встрѣтилъ генерала Путилова.

— Будемъ сейчасъ сниматься, — сказала я.

— Въ какомъ мѣстѣ?

Весь сѣверный склонъ горы, гдѣ мы стояли, находится въ тѣни. Лучи солнца едва скользятъ по нему, а потому я выбралъ небольшой холмикъ, который находится слѣва, нѣсколько отступая къ рѣкѣ и хорошо освѣщенъ.

Мы уже направились туда, но по дорогѣ Путиловъ захотѣлъ зайти къ полковнику Сычевскому. Я тоже вошелъ въ землянку, и мы пробыли въ ней минутъ пять. Послѣ этого мы вышли и, спускаясь съ горы, стали приближаться къ бугорку.

Въ это время надъ сопкой пронесся снарядъ и ударилъ въ самый бугорокъ, на которомъ мы рассчитывали расположиться. Мимо проѣзжала повозка. Она была разбита, а лошади бѣшено понеслись по *«Долинѣ Смерти»*.

Мы съ генераломъ остоновились. Только благодаря случаю мы избѣжали жестокой опасности. Не вздумай Путиловъ зайти къ Сычевскому, мы въ минуту паденія снаряда были бы на бугоркѣ...

Въ землянкѣ. Рис. Г. Кёккёкъ, авт. «Нивы».

Рождество на позициях. Христославы со звездой—в 33-м пех. елецком полку, в дер. Бенсипу. По фот. авт. «Нивы».

— Надо обождать,—сказал генерал.

После первого снаряда разлетелся второй, за ним третий и... пошла потеха... по обычной программе дня на Путиловской сопке.

Мы поднялись к землянке генерала и стали у входа; к нам присоединилось несколько офицеров. Японцы стреляли ледяными снарядами. Стреляли и бѣлым огнем, и залпами. По «Долине Смерти» носились черные дымки рвущихся снарядов. Некоторые из них рвались на вершине сопки, и тогда над нашими головами, как порыв вихря, проносились осколки гранат, камни, при чем некоторые падали у наших ног.

О. Михаил, священник санитарного отряда Е. А. Вороновой, в походѣ. По фот. Ставсака, авт. «Нивы».

был задѣтъ, между тѣм какъ одинъ снарядъ ударилъ въ землянку, въ которой скрылось несколько солдатъ, и тамъ разорвался. Въ результатъ семь человекъ было ранено и одинъ убитъ наповалъ.

Другой случай: снарядъ ударилъ въ вершину сопки, не разорвался, ricochetировалъ, перелетѣлъ долину и рѣку и въ обозѣ, *въ сѣбры оня*, оторвалъ голову солдату, который безмятежно спалъ подъ походной кухней.

Такимъ образомъ, расчетъ безопасности въ бою не имѣетъ значенія.

Опасность ожидаетъ всякаго, и нервы это чувствуютъ, и потому тайна храбро-ти состоитъ въ умѣннн скрыть свою впечатлительность и подавить волненіе. При такой оцѣнкѣ храбрость нисколько не ума-

Церковь 146-го царицынскаго полка у деревни Эрдагоу, близъ передовыхъ позиций. По фот. Ставсака, авт. «Нивы».

ляется, а наоборот, является сложной душевной функцией, еще более достойной и сильной.

Кстати, тут же на сонкѣ, во время канонады намъ пришлось быть свидѣтелями сцены, участникомъ которой явилось существо абсолютно равнодушное къ смерти.

Граната упала въ десяти саженьяхъ отъ группы лошадей, которыя бѣшено бросились въ сторону, а въ разстояніи сажени отъ того мѣста, гдѣ со страшнымъ трескомъ разорвался снарядъ, лежалъ оселъ. Онъ не шевельнулся. Мы считали его убитымъ на-

вѣченіе черезъ маленькое окошечко въ дверяхъ наблюдать за разрывами снарядовъ.

Къ вечеру канонада утихла. По сонкѣ послышалась команда: «Заклеивай окна!».

Дѣло въ томъ, что во время орудійной стрѣльбы бумага, которой вмѣсто стеколъ затянута окна въ землянкахъ, отъ сотрясенія воздуха лопается.

По окончаніи канонады окна приходится затягивать новой бумагой, для сохраненія тепла.

Молебствіе на позиціи при деревнѣ Эрдагоу, въ отрядѣ генерала Мищенко, вернушемся послѣ непрерывныхъ девятимѣсячныхъ боевъ. Священникъ о. Голубевъ произноситъ прѣвѣтственное слово. По фот. Ставскаго, авт. «Нивы».

павалъ. Но вотъ онъ лѣниво поднялся, поводить ушами и легъ на другой бокъ.

Этого осла, однако, не назовешь храбрымъ.

Полковникъ Ивановъ пришелъ меня звать обѣдать, но японцы помѣшали намъ.

— Вы пришли кстати,—сказалъ генераль.—Пошлите-ка имъ три-четыре очереди. Нужно ихъ заставить помолчать.

Полковникъ пошелъ къ своей первой батарее.

Генераль вызвалъ командира третьей батареи полк. Давыдова и отдалъ ему такое же распоряженіе. Скоро заговорили и наши батареи. Казалось, гора вздрагивала отъ ихъ грохота, но японцы не прекращали огня.

— Они, кажется, не скоро уймутся,—сказалъ генераль.—Покуда свѣтло, снимемся тутъ же, кстати и моя землянка выйдетъ.

Такъ мы и сдѣлали. Пришлось фотографировать буквально подъ огнемъ.

Батареи отколотили свои очереди, но японцы не унимались. Я прошелъ въ землянку къ В. Иванову, гдѣ мы пообедали, имѣя раз-

И это ежедневно. Специальное условіе обихода Путиловской сонки.

Изъ обоза мнѣ привели лошадей. Распрощавшись съ офицерами, съ которыми за нѣсколько дней посѣщенія сонки я сблизился больше, чѣмъ съ другими людьми за цѣлые года знакомства, я тронулся домой въ свою стоянку, въ деревню Гудзидзы, въ 12-ти верстахъ отъ сонки.

— Знаете пропускъ?—крикнули мнѣ въ догонку.

— Не знаю.

— Штыкъ!..

«Долина Смерти» отдыхала послѣ дневной канонады, принявъ на себя большинство снарядовъ. Кой-гдѣ между узкими грядами бывшаго здѣсь прежде чумизнаго поля, подъ лучами луны блестя стальными осколками гранатъ. На мосту часовой грозно окликаетъ.

— Что пропускъ?

— Штыкъ!..

И мы съ конвойнымъ переѣзжаемъ мостъ и скоро крупной

Общій видъ Сенатской площади, на которой совершено было 4-го февраля злодѣйское убіеніе Великаго Князя Сергія Александровича. Вдали—у Никольскихъ воротъ, видно огороженное мѣсто убіенія. По фот. К. К. Булла, авт. «Нивы».

рысю ѣдемъ по большой дорогѣ къ Чансяматуню.

Въ тишинѣ мы дѣлаемъ уже полпути, мируемъ молчаливый Эрдагу, на которомъ свѣтятся огни костровъ, приближаемся къ Хуаншаню... а сади вдали опять грохочутъ орудія, и опять разгорается канонада на безпощадной Путиловской сопкѣ...

В. Табуринъ.

Коши Фу-шунь.
11 января.

П. И. Вейнбергъ.

(Портр. на 140 стр.).

Извѣстный поэтъ и литературный дѣятель, Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, имя котораго хорошо знакомо читателямъ нашего журнала, избранъ нынѣ въ число почетныхъ академиковъ Императорской Академіи наукъ по разряду изящной словесности — въ ту блестящую именами коллегію, гдѣ состоятъ членами знаменитые наши писатели.

Это почетное избраніе является вполне заслуженнымъ и достойнымъ многолѣтней плодотворной и неустанной дѣятельности П. И. Вейнберга на поприщѣ русской изящной литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, выступивъ на литературную дорогу еще въ 1852 году, П. И. Вейнбергъ съ той поры неутомимо, годъ за годомъ, не покладая рукъ, работаетъ на пользу русской литературы

Крестъ, водруженный на мѣстѣ убіенія Великаго Князя Сергія Александровича, у Никольскихъ воротъ. По фот. авт. «Нивы».

мѣтки и пр. Между прочимъ, изъ подъ его пера вышло много остроумныхъ юмористическихъ стихотвореній, подъ которыми П. И. Вейнбергъ, въ качествѣ бывшего обывателя г. Тамбова,

отдавалъ ей все свое время и служба ей всѣми способами — то въ качествѣ поэта и переводчика, то въ качествѣ редактора различныхъ сборниковъ и художественныхъ изданій, то, наконецъ, какъ педагогъ-специалистъ по русской и иностранной словесности. Кроме того, П. И. Вейнбергъ состоитъ председателемъ Литературнаго Фонда и, такимъ образомъ, является и съ этой стороны литературнымъ дѣятелемъ, или даже болѣе того, общественнымъ дѣятелемъ въ литературномъ мірѣ.

П. И. Вейнбергъ родился въ 1830 году въ г. Николаевѣ. На литературное поприще выступилъ въ 1852 г., причѣмъ дебютировалъ въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» переводомъ стихотвореній В. Гюго.

Въ 1854 году имъ былъ изданъ первый сборникъ произведеній, въ число которыхъ вошли, кромѣ переводныхъ, и оригинальныя стихотворенія. Позднѣе П. И. Вейнбергъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ разныхъ столичныхъ журналовъ, помѣщая въ нихъ стихи, библиографическія статьи, монографіи, замѣтки и пр. Между прочимъ, изъ подъ его пера вышло много остроумныхъ юмористическихъ стихотвореній, подъ которыми П. И. Вейнбергъ, въ качествѣ бывшего обывателя г. Тамбова,

У Чудова монастыря, въ Кремлѣ, гдѣ покоятся смертныя останки Великаго Князя Сергія Александровича. По фот. К. К. Булла, авт. «Нивы».

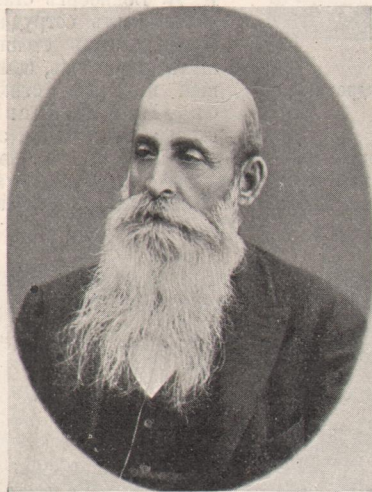
подписывался юмористическим псевдонимом «Гейне из Тамбова».

Число авторов, переведенных в разное время П. И. Вейнбергом, очень велико. Своими переводами он оказал, положительно, незаменимую услугу русской литературе. Благодаря ему, русские читатели познакомились с такими шедеврами иностранного творчества, как пьесы Шекспира: «Отелло», «Тимонь Афинский», «Венецианский купец», «Виндзорская проказница», «Какъ вамъ будетъ угодно», «Комедія ошибокъ» и «Бесплодные усилия любви».

Изъ же были переведены «Уриель Акоста»—Гуцкова, «Натанъ Мудрый»—Лессинга, комедія Шеридана «Школа злословія», сочиненія Берне и стихи Гейне, Лонгфелло, Шамиссо, Ленау и другихъ поэтовъ. Особенно любовью П. И. Вейнберга пользуется Гейне, къ творчеству котораго близко подходит, по характеру, творческой талант самого Петра Исаевича. Недаромъ онъ называлъ себя «Гейне изъ Тамбова». Известное нашимъ читателямъ «Полное собраніе сочиненій Генриха Гейне», данное «Нивой» въ приложеніяхъ прошлаго года, редактировано П. И. Вейнбергомъ.

Переводы П. И. Вейнберга отличаются близостью къ подлиннику и прекраснымъ звучнымъ стихомъ. Они доставили ему почетное мѣсто среди лучшихъ нашихъ переводчиковъ.

Рядомъ съ чисто-литературной дѣятельностью П. И. Вейнберга должна быть поставлена и его научная дѣятельность. Въ 1868 году онъ занялъ кафедру профессора русской литературы въ главной школѣ (впослѣдствіи университетъ) въ Варшавѣ. Затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ преподавалъ русскую и иностранную литературу на женскихъ педагогическихъ курсахъ и, въ качествѣ педагога, издалъ нѣсколько цѣнныхъ пособій по исторіи литературы. Въ болѣе позднее время П. И. Вейнбергъ, имѣя званіе приватъ-доцента, читалъ лекціи по исторіи литературы въ петербургскомъ университетѣ. Лекціи эти пользовались среди молодежи огромнымъ успѣхомъ и всегда заключались дружными аплодисментами всей аудиторіи.

П. И. Вейнбергъ, избранный въ почетные академики (по разряду изящной словесности).

По фот. авт. «Нивы».

Около трехъ лѣтъ тому назадъ, а именно—въ 1902 году, было отпраздновано 50-лѣтіе литературной дѣятельности Петра Исаевича. Теперь предстоитъ его новый юбилей: 75-лѣтіе дня его рожденія, и этотъ юбилей почетнаго поэта совпадаетъ съ его нынѣшнимъ вступленіемъ въ число нашихъ «бессмертныхъ». Это вступленіе, эта награда за долгие плодотворные труды, выпавшая П. И. Вейнбергу, несомнѣнно, бу-

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ деревнѣ Хуаньшань. По фот. Ставскаго, авт. «Нивы».

детъ привѣтствована всѣми, кому дороги интересы русской литературы.

СМѢСЬ.

Къ свѣдѣнію русскихъ ученыхъ и библиотекъ. Известный ученый, В. Модестовъ, сообщаетъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» слѣдующія свѣдѣнія, важныя для русскихъ ученыхъ и библиотекъ.

Въ Римѣ вышли въ свѣтъ труды международного съѣзда по историческимъ наукамъ, состоявшагося тамъ весной 1903 года. Труды эти, озаглавленные: «Atti del Congresso Internazionale di scienze storiche», будутъ заключаться въ 12 томахъ; изъ нихъ уже выпущено 7 томовъ. Число экземпляровъ ограничено.

Вышедшіе 7 томовъ стоятъ въ совокупности 62 франка, но каждый изъ нихъ можетъ быть приобретѣнъ и отдѣльно. Вотъ они: «Исторія литературы» (6 фр.), «Археологія» (15 фр.), «Нумизматика» (7 фр.), «Исторія права» (10 фр.), «Исторія географіи» (8 фр.), «Исторія философіи», «Исторія религіи» (6 фр.), «Исторія наукъ физическихъ, математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ» (10 фр.).

Скоро выйдетъ еще одинъ томъ: «Древняя исторія», «Классическая филологія». Остаются томы: «Средневѣковая и новая исторія», «Методика», «Вспомогательныя историческія науки», «Исторія искусства», «Исторія музыкальнаго и драматическаго искусства». Въ отдѣльный томъ войдетъ все то, что предшествовало съѣзду и имѣло общій характеръ.

Для покупки трудовъ съѣзда слѣдуетъ обращаться по слѣдующему адресу: *Roma, Corso Umberto s, 307. Libreria Ermanno Loescher e C^o.* Адресъ В. Модестова: *Roma, Via Veneto, 95.*

О перемѣнѣ адреса.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прилагать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Содержаніе.

Т Е К С Т Ъ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Стихотвореніе К. М. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента)—П. И. Вейнбергъ.—Смѣсь.—Объявленія.
Р И С У Н К И: Вихрь.—Умаяся.—Послѣ вальса.—Пьеретта. — На „Путиловской сопкѣ“.—Капитанъ Е. Г. Котлубай (въ сюртукѣ), взорвавшій въ районѣ расположенія японцевъ кумирню передъ „Путиловской сопкой“.—На „Путиловской сопкѣ“.—Наблюдающіе.—Развалины дер. Чиндзялинды впереди „Путиловской сопки“, гдѣ японцы оказали послѣднее сопротивленіе нашимъ войскамъ.—„Путиловская сопка“.—Братская могила впереди „Путиловской сопки“.—Генералъ Путиловъ у своей землянки на „Путиловской сопкѣ“.—„Путиловская сопка“.—Иллюминаціонные фонари, горѣвшіе подъ Новымъ годъ.—Новый годъ на „Путиловской сопкѣ“.—Подъ свѣжнымъ покровомъ.—„Путиловская сопка“.—1-я батарея 7-ой артиллерійской бригады, отличившаяся при взятіи сопки.—„Путиловская сопка“.—Мѣсто, гдѣ похоронены павшіе въ бою японцы.—„Путиловская сопка“ и „Долина Смерти“.—„Путиловская сопка“.—Знамя 19-го полка.—Ха-ю-схай, оруженосецъ и переводчикъ В. А. Табурина.—Высматриваніе неприятельскихъ позицій съ воздушнаго шара у деревни Гуаждзы.—Въ снѣжныхъ сугробахъ на Шахѣ.—Японскій передовой постъ у Шаха.—Офицеры, прибывшіе съ Дальняго Востока и находящіеся на излѣченіи въ Биржевой больницѣ въ Петербургѣ.—Бѣ землянкѣ.—Рождество на позиціяхъ. Христовлавы со звѣздой—въ 33-мъ пѣх. елецкомъ полку, въ деревнѣ Бенсипу.—О. Михайль, священникъ санитарнаго отряда Е. А. Вороновой въ походѣ.—Церковь 146-го царіцискаго полка у дер. Эрдагоу, близъ передовыхъ псцій.—Молебствіе на позиціи при дер. Эрдагоу, въ отрядѣ генерала Мищенко, вернувшегося послѣ непрерывныхъ девятимѣсячныхъ боевъ.—Общій видъ Сенатской площади, на которой совершено было 4-го февраля злодѣйское убіеніе Великаго Князя Сергія Александровича.—Крестъ, воздуженный на мѣстѣ убіенія Великаго Князя Сергія Александровича, у Никольскихъ воротъ.—У Чудова монастыря, въ Кремлѣ, гдѣ покоятся смертные останки Великаго Князя Сергія Александровича.—Еас. Ив. Немировичъ-Данченко на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ деревнѣ Хуаньшань.—П. И. Вейнбергъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 23.

За издателя Л. Ф. Маркъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.